
НЕЙТОН ЛИ
РАЗВОД:
Я НЕ ПРОЩУ
ИЗМЕНУ

Нейтон Ли

Развод. Я не прощу измену

«Литнет»
2026

Ли Н.

Развод. Я не прощу измену / Н. Ли — «Литнет», 2026

В день десятилетия свадьбы я нашла в пиджаке мужа ключи от чужой квартиры и снимок УЗИ. Он ждал, что я сохраню молчание ради семьи и его бизнеса. Вместо этого я собрала документы, чемодан и ушла — вместе с дочерью. Но Глеб считает своими не только наши деньги, но и чертежи, над которыми я работала годами.Мне предстоит с нуля восстановить профессию и защитить право дочери на спокойную жизнь. Шансом становится конкурс на восстановление старой городской мельницы. Инвестор Денис Северский не обещает спасения: ему нужен архитектор, способный доказать каждое решение, а мне — возможность добиться всего самой.Когда прошлое начинает преследовать меня даже на новой работе, я должна научиться отстаивать свои границы и доверять тем, кто уважает мой выбор. Я не прощу измену. Но это не значит, что я больше не смогу любить.

© Ли Н., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ключи в чужом кармане 5
Глава 2. Ультиматум за праздничным столом 13
Глава 3. Чемодан у ночного подъезда 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Глава 1. Ключи в чужом кармане

Четырнадцатого сентября в половине третьего дня я достала из гардеробной тёмно-синий шерстяной пиджак Глеба, чтобы отпарить лацканы перед вечерним ужином. Десять лет со дня нашей свадьбы выпали на субботу. В гостиной уже стоял разложенный дубовый стол, накрытый льняной скатертью цвета неотбелённой шерсти, а на кухне в низкой чугунной утке томилась телятина с розмарином и сухой клюквой. Вера час назад уехала с моей школьной подругой Алиной в её печатную мастерскую на набережной — раскрашивать деревянные штампы и делать открытки к нашему празднику, чтобы вернуться к семи, к горячему, когда соберутся гости.

В доме стояла та особенная предпраздничная тишина, в которой отчётливо слышен каждый бытовой звук: мерное гудение духового шкафа, редкое потрескивание остывающего утюга, шорох сухой листвы за приоткрытой фрамугой. Я повесила пиджак на плечики, провела ладонью по плотной итальянской ткани, проверяя, не заломилась ли подкладка, и пальцы наткнулись на жёсткий угловатый предмет во внутреннем левом кармане.

Сначала я подумала, что Глеб снова забыл выложить флешку с рабочими сметами или запасной пропуск на закрытую парковку «Орион-Девелопмент». Он не любил носить портфель по пятницам и часто распихивал мелочи по карманам, а потом раздражался, что ткань оттягивается. Я расстегнула маленькую перламутровую пуговицу внутреннего клапана и опустила руку в шёлковую глубину.

На ладонь легла связка из двух плоских рифлёных ключей с круглой чёрной таблеткой домофона и узким кожаным брелоком без логотипа. Металл был новым, без мелких царапин и потертостей, какие бывают на ключах, проживших в сумке хотя бы полгода. На кольце не было ни бирки с номером объекта, ни пластикового ярлыка снабженцев, которыми в компании Глеба помечали комплекты от сдаваемых квартир. Наш собственный дом открывался другим ключом — длинным латунным стержнем с гравировкой на квадратной головке, а от офиса на Пресне у мужа была магнитная карта.

Следом за ключами из кармана выскользнул сложенный вдвое глянцевый прямоугольник плотной термобумаги и тонкий кассовый чек из аптеки.

Я не стала сразу разворачивать бумагу. Поставила отпариватель на подставку, выключила подачу пара и подошла к широкому окну столовой, где дневной свет падал ровно и сухо. Только там, прислонившись бедром к подоконнику, я разогнула глянцевый листок.

Это был снимок ультразвукового исследования. Чёрно-серое зернистое поле, похожая на фасолину тёмная полость с крошечным светлым сгустком внутри и белые печатные строчки в верхней рамке экрана: «Клиника репродуктивной медицины „Вита-Плюс“. Пациент: Белова К. А., 28 лет. Дата: 12.09. Срок: 7 нед. 2 дн. ЧСС: 146 уд./мин». Внизу на свободном белом поле округлым женским почерком, синей гелевой ручкой, было выведено: «Наш маленький космонавт. Ты обещал не опаздывать на скрининг».

Я смотрела на эту строчку секунд двадцать. Руки не дрожали — наоборот, пальцы стали сухими и будто чужими, как на морозе, когда обмеряешь лазерной рулеткой промёрзшую кирпичную кладку старого цеха. Мозг по многолетней привычке реставратора первым делом зафиксировал параметры: дату, фамилию, инициал, почерк, совпадение по времени. Двенадцатое сентября было позавчера, в четверг. В тот день Глеб позвонил мне в одиннадцать утра и сказал, что застрял на техсовете в департаменте градостроительства, поэтому не сможет заехать со мной в мастерскую багета за рамой для старой гравюры, которую мы хотели повесить в кабинете.

Я развернула аптечный чек. Та же дата — двенадцатое сентября, двенадцать часов сорок четыре минуты. Аптека на Малой Бронной, в ста метрах от клиники «Вита-Плюс». Фолиевая

кислота, упаковка витаминов для первого триместра, мятные пастилки от тошноты. Оплата картой. Последние четыре цифры — 4409. Личная платиновая карта Глеба, с которой он обычно оплачивал бензин, рестораны и наши поездки в Карелию.

Белова К. А. Кристина Андреевна Белова, младший руководитель проектов в отделе коммерческой недвижимости «Орион-Девелопмент». Она пришла в компанию полтора года назад после магистратуры: невысокая, аккуратная, в светлых брючных костюмах, с гладким низким пучком и привычкой записывать каждое замечание Глеба в кожаный блокнот с золотым обрезом. На новогоднем корпоративе она сидела через три стула от меня, вежливо спрашивала, трудно ли согласовывать охранные обязательства по чугунным лестницам девятнадцатого века, и подавала мне салфетку, когда официант случайно задел мой бокал с минеральной водой.

Я положила снимок, чек и ключи на край дубового стола, прямо рядом с стопкой накрахмаленных льняных салфеток. Сфотографировала всё на телефон — крупно, без бликов, так, чтобы читались каждая цифра на чеке, номер карты, штамп клиники и надпись синей ручкой. Отправила снимки себе в закрытую облачную папку, где хранила резервные копии обмерных чертежей, пароль от которой знал только мой ноутбук. Затем аккуратно сложила термобумагу по прежней складке, вернула её вместе с чеком и ключами во внутренний карман синего пиджака, застегнула перламутровую пуговицу и отнесла вешалку обратно в гардеробную.

В спальне на прикроватной тумбочке со стороны Глеба лежал его старый планшет. Он редко брал его из дома, используя в основном для чтения вечерних новостей и просмотра строительных графиков, но аккаунт там стоял тот же, что и на основном телефоне. Пароль я знала все десять лет: дата рождения Веры и первые две буквы названия его фирмы.

Экран зажёгся мягким голубоватым светом. Я открыла почтовый клиент и приложение заметок, синхронизированное с облаком. Мне не нужны были их любовные признания — от одной мысли, что я буду листать чужие нежности, во рту появлялся привкус окислившейся меди. Я искала точные координаты: договоры, счета, адреса. То, что нельзя объявить моей фантазией или «ошибкой секретаря».

В папке «Избранное» в облачном хранилище обнаружился PDF-файл, загруженный третьего апреля этого года. Договор долгосрочной аренды жилого помещения в ЖК «Тихий посад» на улице Фадеева, дом 14, корпус 2, квартира 86. Арендатор — Орлов Глеб Викторович. Право проживания предоставлено Беловой Кристине Андреевне. Срок — одиннадцать месяцев с правом пролонгации, ежемесячный платёж сто сорок тысяч рублей, плюс машиноместо в подземном паркинге. К договору была подкреплена фотография акта приёма-передачи имущества, где в графе «Переданные ключи» значилось: «Два комплекта по два рифлёных ключа и магнитный брелок домофона чёрного цвета с кожаным хлястиком».

Один комплект был у неё. Второй лежал сейчас в кармане юбилейного пиджака моего мужа в трёх метрах от нашей супружеской постели.

Я переписала адрес и номер договора в свой блокнот, следом открыла историю банковских уведомлений, приходивших на планшет. Списания по сто сорок тысяч уходили пятого числа каждого месяца. В те же самые месяцы, когда Глеб за ужином спокойно объяснял мне, что свободных оборотных средств сейчас впритык из-за удорожания арматуры и бетона, поэтому выплату моего авторского гонорара за проект реконструкции краснокирпичных складов на Шлюзовой набережной лучше отложить до закрытия годового баланса.

Я три года вела историко-архитектурную часть для «Ориона» без отдельного трудового договора и без громкой таблички на дверях. Когда Вера ходила в старшую группу детского сада и часто болела бронхитами, Глеб убедил меня закрыть мою собственную небольшую мастерскую: «Зачем тебе кормить аренду и бухгалтера, Поля? Будешь делать проекты для моих объектов дома, в свободном графике, деньги всё равно в один семейный котёл идут, а я избавлю тебя от бумажной волокиты». Я соглашалась. Мне казалось естественным, что мы строим общее дело: я вытаскивала из архивов чертежи девятнадцатого века, рассчитывала усиление

сводов Монье, защищала перед экспертами сохранение старинной кладки, чтобы его компания получала разрешение на реконструкцию в историческом центре, а в итоговых презентациях на титульном листе стоял общий штамп: «Проектный департамент ООО „Орион-Девелопмент“. Руководитель направления — Белова К. А.».

Когда месяц назад я спросила Глеба, почему в буклете для инвесторов старой городской мельницы под моими разрезами и узлами стоит фамилия Кристины, он поморщился, словно от зубной боли, и обнял меня за плечи: — Поля, ну это же чистая бюрократия для тендерного комитета. Кристина числится в штате на полной ставке, у неё подпись в электронном реестре заказчика. Какая разница, чья фамилия в нижнем углу штампа, если весь доход от контракта придёт в нашу семью? Мы же с тобой одно целое.

Я положила планшет ровно на то же место, подровняв его край по грани мраморной подставки для часов.

На часах было три пятнадцать. Глеб уехал из дома в половине первого — сказал, что должен заскочить в офис на час, подписать закрывающие акты у главного инженера, а потом заедет за букетом и вином к шести часам. До вечера оставалось почти четыре часа. У меня было достаточно времени, чтобы не гадать, а увидеть всё собственными глазами.

На кухне я убавила духовку до минимума, переставила чугунную утку на верхнюю решётку, чтобы мясо не подсохло, и сняла домашнее платье. Надела прямые серые джинсы, тонкую водолазку, короткий тренч, убрала волосы под шёлковый платок. Прежде чем выйти, вернулась в гардеробную, достала из кармана синего пиджака связку ключей и положила её в свою сумку.

Улица Фадеева находилась в двадцати минутах езды без пробок. Сентябрь в Москве стоял сухой, прозрачный, с тем высоким светлым небом, какое бывает только перед затяжными октябрьскими дождями. Я вела машину спокойно, держала ряд, останавливалась на жёлтый сигнал светофора и ловила себя на странном ощущении: внутри не было ни истерики, ни желания разбить руль кулаком. Было холодное, почти лабораторное внимание, с каким я обычно заходила в аварийное здание после пожара — когда нужно быстро оценить, какие несущие балки ещё держат нагрузку, а под какими перекрытие рухнет через минуту, если вовремя не отойти к капитальной стене.

Десять лет моей жизни только что дали сквозную вертикальную трещину от фундамента до карниза. Стоять под этим сводом и делать вид, что это всего лишь осыпалась штукатурка, значило похоронить под обломками и себя, и восьмилетнюю дочь.

ЖК «Тихий посад» оказался новым семиэтажным домом из светлого клинкерного кирпича с закрытым двором, аккуратными туями в кадках и кованой калиткой. Я припарковала свою машину через дорогу, у маленькой пекарни, перешла улицу и приложила чёрную круглую таблетку с кожаного брелока к считывателю у калитки.

Замок коротко пикнул, загорелся зелёный светодиод, тяжёлая створка мягко поддалась.

Первое совпадение перестало быть совпадением.

Я не собиралась устраивать сцену в чужом подъезде или караулить кого-то под дверью. Мне нужно было убедиться, что этот ключ открывает именно эту территорию, а затем заехать в офис «Ориона» на Пресне — забрать из чертёжного шкафа свои оригинальные кальки и жёсткий диск с исходниками по проекту старой мельницы, пока Глеб считает, что я дома режу груши для салата и протираю бокалы.

Но едва я прошла вдоль ряда туй к первому подъезду, из стеклянных дверей парадной вышла молодая женщина в свободном бежевом кардигане поверх светлого платья. В одной руке она несла бумажный пакет из фермерской лавки, из которого виднелись пучок тархуна и коробка со свежей малиной, а другой придерживала телефон у уха.

Кристина Белова. Без привычного тугого пучка, с распущенными по плечам русыми волосами, в мягких замшевых лоферах на плоской подошве. Она остановилась у скамейки в

пяти шагах от меня, перехватила пакет поудобнее и негромко, чуть капризным, домашним голосом произнесла в трубку:

— Глеб, ну не задерживайся там до ночи, пожалуйста. Врач сказал, мне нельзя нервничать и нужно ложиться до одиннадцати. Посидишь со своими гостями пару часов для приличия, сошлёшься на головную боль или ранний вылет подрядчиков и приедешь ко мне. Я малину купила и твой любимый чай с чабрецом заварила.

Я стояла в тени высокой колонны крыльца, за широкой кадкой с гортензией. Кристина смотрела в сторону ворот и меня не видела. Она слушала ответ, слегка наклонив голову, и на её безымянном пальце левой руки блеснуло тонкое кольцо из белого золота с дорожкой мелких камней — я помнила эту коробку из ювелирного салона на Петровке, чек от которой случайно видела в бардачке машины Глеба в конце августа. Тогда я решила, что он заранее приготовил мне подарок на десятую годовщину, и даже порадовалась, что он наконец запомнил: я не ношу крупное жёлтое золото.

— Да понимаю я, что десять лет, — вздохнула Кристина, поправляя край кардигана на животе тем характерным бережным жестом, каким женщины прикрывают себя уже на первых неделях беременности. — Только ты сам говорил в четверг у клиники, что этот вечер — чистая формальность ради твоего спокойствия до подписания контракта по мельнице. Когда подашь на развод? Ты обещал сразу после того, как совет инвесторов утвердит твою компанию генподрядчиком... Ну хорошо, в октябре так в октябре. Только не пей там много, ладно? Жду тебя к десяти.

Она нажала отбой, улыбнулась чему-то своему, прижала дверной ключ к панели домофона и скрылась в прохладном вестибюле подъезда.

Я постояла у колонны ещё минуту, пока лифт за стеклянными дверями не ушёл на шестой этаж, где находилась восемьдесят шестая квартира. Значит, сегодня в десять вечера, сразу после того, как наши друзья поднимут тост за десять лет нашего «крепкого тыла», Глеб собирался сослаться на усталость и уехать пить чай с чабрецом к беременной женщине, которой уже пообещал развод со мной сразу после октябрьского тендера. И единственная причина, по которой я сегодня ещё числилась его любимой женой и хозяйкой праздника, заключалась в проекте реконструкции городской мельницы.

В проекте, всю архитектурно-реставрационную концепцию которого за последние четыре месяца начертила и рассчитала я.

Я вернулась к машине, села за руль, достала из сумки связку ключей от квартиры на Фадеева и бросила её в подстаканник. Металл сухо звякнул о пластик. Затем я завела двигатель и развернулась в сторону Пресненской набережной.

В субботу днём бизнес-центр, где «Орион-Девелопмент» занимал половину четвёртого этажа, был почти пуст. Охранник на нижнем посту знал меня в лицо шесть лет — я регулярно привозила сюда макеты, рулоны чертежей и образцы кирпичной вычинки. Он кивнул мне из-за стойки, даже не спрашивая гостевой пропуск: — Добрый день, Полина Сергеевна. А Глеб Викторович у себя, минут сорок назад поднялся. С Пал Палычем в малой переговорной сидят.

— Спасибо, Илья, я как раз за своими папками в проектный отдел, — спокойно ответила я.

Значит, Глеб действительно был в офисе. И главный инженер Павел Павлович тоже был здесь.

Я поднялась на четвёртый этаж по лестнице, чтобы не звенел колокольчик лифта в пустом холле. Коридор проектного крыла был устлан плотным серым ковролином, который полностью глушил шаги. Дверь в рабочий зал архитекторов оказалась не заперта — видимо, Глеб открыл весь блок своим мастер-ключом. Я прошла к угловому столу у окна, который числился моим «приходящим местом», когда мне требовалось распечатать широкоформатные листы на офисном плоттере.

Мой внешний жёсткий диск в алюминиевом корпусе лежал в верхнем ящике тумбы, но когда я выдвинула ящик, диска на месте не оказалось. Вместо него там лежала стопка свежеотпечатанных пояснительных записок в фирменных тёмно-синих папках «Ориона» с золотым тиснением.

Я открыла верхнюю папку. «Концепция приспособления объекта культурного наследия „Комплекс паровой мельницы купцов Сорокиных“ под общественно-деловой центр. Том 2. Архитектурно-конструктивные решения». На титульном листе, в графе «Авторский коллектив и главный архитектор проекта», стояли две фамилии: руководитель направления К. А. Белова, главный инженер проекта П. П. Груздев.

Моей фамилии не было ни на титуле, ни в ведомости чертежей, ни в списке исполнителей на обороте. Даже в примечаниях мелким шрифтом, где обычно указывают консультантов по историческим конструкциям, зияла пустота. Зато на третьем развороте красовался мой аксонометрический разрез чугунных колонн третьего яруса с узлом разгрузки сводов, который я чертила вручную в программе три недели назад по ночам, пока у Веры резался коренной зуб. В правом нижнем углу каждого листа, в основной надписи чертежа, поверх моего исходного штампа стояло: «Разработал: Белова К. А. Проверил: Груздев П. П.».

Из-за неплотно прикрытой двери малой переговорной, расположенной за стеклянной перегородкой в конце коридора, донеслись голоса. Я узнала басовитое покашливание Павла Павловича и уверенный, чуть насмешливый баритон Глеба.

Я бесшумно шагнула к простенку у шкафа с архивными тубусами. Отсюда сквозь матовую полосу на стекле меня не было видно, но звук из приоткрытой щели шёл отчётливо.

— Глеб Викторович, меня всё-таки смущает узел опирания новой галереи на старую кирпичную стену восточного корпуса, — глухо говорил Павел Павлович, шурша листами. — Если в понедельник мы отправляем этот том в инвестиционный консорциум Северского, а Денис Вадимович посадит своих экспертов сверять нагрузки, могут возникнуть вопросы. Тут Полина Сергеевна заложила очень тонкую реставрационную вычинку с сохранением подлинных металлических связей девятнадцатого века. Если на защите спросят методику расчёта этих связей, Кристина Андреевна не ответит. Она же менеджер, она своды Монье от бетонной плиты только по картинке отличает. Может, всё-таки включить Полину Сергеевну в официальный состав рабочей группы хотя бы вторым архитектором?

Раздался короткий щелчок зажигалки — Глеб в своём кабинете иногда крутил в пальцах тяжёлую металлическую «Дюпон», хотя бросил курить три года назад.

— Паша, не усложняй, — негромко и очень ровно ответил мой муж. — Какой из Полины сейчас руководитель проекта для консорциума Северского? Она восемь лет сидит дома за моей спиной, варит супы, водит ребёнка по кружкам и в свободное время рисует свои красивые картинки со старинными кирпичами. Да, чертит она грамотно, школа старая, рука набита, я этого не отнимаю. Но большой девелоперский бизнес — это не кружок любителей старины. Если я впишу жену главным архитектором в заявку на четыреста миллионов, я потом от её авторских амбиций не отмахнусь, а если возникнут разногласия с инвестором, она начнёт носиться со своими памятниками и тормозить нам сроки демонтажа.

— Так ведь вся фишка проекта, из-за которой Северский вообще допустил «Орион» во второй тур, — именно в её схеме сохранения исторического каркаса без сноса сводов, — осторожно возразил главный инженер. — Вы же сами на прошлой неделе говорили, что Денис Северский повернут на подлинности промышленной архитектуры.

— Вот мы ему эту схему и продадим от имени компании, — отрезал Глеб. — Исходники у нас на сервере, вчера сисадмин слил все рабочие файлы с её внешнего диска в общую базу проектного отдела. Права по документам оформлены на «Орион», потому что у Полины со мной нет ни одного договора подряда — она помогала мужу по-семейному, на домашнем компьютере. А на защите перед Северским будешь докладывать ты по конструктиву, а Кристина

покажет финансовую модель и график ввода площадей. Полине я скажу, что инвестор потребовал только штатных сотрудников с допуском СРО, она побурчит вечер и успокоится. Куда она денется? У неё за душой ни действующего юрлица, ни собственного штата, ни крупных контрактов за последние пять лет. Женщина в тридцать пять лет после десяти лет домашнего быта на вольные хлеба не прыгает, Паша. Тем более я её полностью обеспечиваю.

Павел Павлович тяжело вздохнул, постучал карандашом по столу: — Дело ваше, Глеб Викторович, семья ваша. Только с этим узлом по водоотведению у восточного фундамента в старой версии расчёта там, по-моему, осталась нестыковка по отметкам грунтовых вод. Полина Сергеевна говорила на днях, что пересчитала его в новой редакции и держит финальный файл у себя на ноутбуке.

— Заберу у неё сегодня вечером или завтра утром, — легко пообещал Глеб. — Сегодня у нас годовщина, десять лет, гости придут, я ей серьги с сапфирами купил. Завтра с утра она сама мне эту папку на флешке вынесет, ещё и кофе сварит. Всё, давай сворачиваться, мне ещё за цветами на Покровку заезжать, а то обид будет на неделю.

Я не стала ждать, пока они выйдут из переговорной.

На соседнем столе у системного блока главного архитектора лежал мой серебристый внешний диск, подключённый коротким шнуром к рабочей станции. Индикатор не мигал — копирование уже закончилось. Я нажала безопасное извлечение, выдернула кабель, убрала диск во внутренний карман тренча. Затем открыла нижний ящик тумбы, который запирался на маленький почтовый ключик, висевший на моей связке с автомобильным брелоком. О существовании этого дубликата Глеб не помнил: там в плоском пластиковом тубусе лежали мои подлинные рукописные кроки на кальке, полевые журналы обмеров мельницы Сорокиных с моими личными подписями и датами на каждом листе, заверенные штампом охраны объекта на проходной, когда я в июле две недели лазила по подвалам и чердакам с лазерным дальномером. На проходной мельницы в журнале посещений инженеров расписывалась я, Полина Сергеевна Орлова, с указанием серии паспорта. Ни Кристины Беловой, ни самого Глеба в тех пыльных подвалах с грибком и битым кирпичом не было ни разу.

Я забрала тубус, блокнот с расчётами нагрузок, закрыла ящик на ключ и так же бесшумно вышла на лестничную клетку за полминуты до того, как в коридоре щёлкнула ручка малой переговорной.

В машине на парковке в ста метрах от бизнес-центра я сидела минут пять, положив ладони на пластиковый тубус. Внутри больше не было даже тени растерянности. Всё встало на свои места с математической точностью строительной сметы.

Десять лет брака, в котором я считала себя партнёром, тылом и соавтором, в картине мира Глеба выглядели иначе: удобный бесплатный архитектор на дому, который «варит супы за его спиной», не имеет юридических прав на собственные чертежи и за коробку с сапфировыми серьгами отдаст финальный расчёт дренажа, чтобы его беременная сотрудница получила премию за проект, а он сам после подписания контракта спокойно выставил жену за дверь на своих условиях.

Он был уверен, что у меня нет ни денег, ни документов, ни воли отказаться от сегодняшнего спектакля за праздничным столом.

Я посмотрела на экран телефона. Четыре часа сорок минут. До прихода гостей оставалось два часа двадцать минут. До возвращения Глеба с цветами и серьгами — около полутора часов.

По дороге домой я остановилась у отделения своего банка на Садовом кольце. Три года назад, когда я закрывала свою мастерскую, я не стала ликвидировать личный накопительный счёт, открытый ещё до замужества на девичью фамилию и переоформленный позже по паспорту. Туда приходили редкие гонорары за частные историко-архитектурные экспертизы, которые я делала по старым связям для реставрационной коллегии Елены Захаровой, и остаток средств от продажи маминой дачи в Звенигороде. Глеб знал, что у меня есть «какая-то кар-

точка на булавки и книги», но никогда не интересовался суммой — для масштабов его строительных оборотов несколько сотен тысяч рублей казались мелкой карманной наличностью, не стоящей контроля.

В банке за пятнадцать минут я проверила баланс: на счёте лежало четыреста восемьдесят две тысячи рублей. Я заказала выписку, отключила в банковском приложении любое дублирование СМС-уведомлений на семейную почту, сменила пин-код и сняла в банкомате пятьдесят тысяч наличными мелкими купюрами. Семейная дополнительная карта, привязанная к счёту Глеба, с которой я обычно покупала продукты и оплачивала кружки Веры, лежала в отдельном кармашке кошелька. Я переложила её в боковое отделение: пользоваться ею после сегодняшнего вечера я не собиралась, но мне нужно было точно знать, в какую минуту после нашего разговора муж решит перекрыть мне кислород.

В пять двадцать я вошла в нашу квартиру.

В прихожей пахло печёным мясом, розмарином и свежим деревом от новой столешницы. Солнце уже сместилось к западу, и длинные косые лучи лежали на паркете гостиной, подсвечивая хрустальные бокалы для красного вина, которые я сама натирала льняным полотенцем сегодня в одиннадцать утра — в той другой жизни, которая закончилась три часа назад.

Я прошла в гардеробную, сняла тренч, открыла домашний сейф в нижнем отсеке шкафа. Код был общим. Я достала оттуда свою папку с личными документами: свидетельство о рождении Веры, её загранпаспорт и медицинский полис, свой диплом архитектора, удостоверение члена союза реставраторов, свидетельство о браке, документы о собственности на мою добрачную долю в небольшой однокомнатной квартире в Твери, которую сдавала дальняя родственница, и копии договоров на покупку нашей нынешней московской квартиры и двух машин, приобретённых в браке.

Затем я принесла в кабинет свой рабочий ноутбук, подключила к нему спасённый из офиса внешний диск и за двадцать минут скопировала все архивы с исходными файлами мельницы Сорокиных на зашифрованный облачный сервер и на две отдельные флешки. Одну флешку я убрала в потайной карман дорожной сумки вместе с документами и полевыми журналами обмеров. Туда же сложила ингалятор Веры, её антигистаминные капли, базовую аптечку и смену белья на два дня. Сумку поставила в глубину хозяйственного шкафа у прихожей, за коробками с зимней обувью.

Ровно в шесть часов вечера я надела строгое тёмно-зелёное платье из плотного шелка — без праздничных кружев, с длинными рукавами и закрытым воротом, — уложила волосы, вернулась в гардеробную и снова расстегнула внутренний карман синего пиджака Глеба.

Снимок УЗИ из клиники «Вита-Плюс» и аптечный чек с Малой Бронной я оставила там, где они лежали. А вот связку ключей от квартиры на улице Фадеева с чёрной таблеткой домофона и кожаным брелоком достала из своей сумки и положила в карман его пиджака поверх бумаг — так, чтобы любой человек, сунувший туда руку, первым делом наткнулся пальцами на холодный металл.

После этого я вынесла отпаренный синий пиджак в спальню и аккуратно повесила его на спинку деревянного камердинера у изножья кровати, на самое видное место.

В шесть пятнадцать я позвонила Алине Сафроновой.

— Полька, мы тут с Верой такой штамп с деревянным мостом вырезали, руки по локоть в синей гуаши! — радостно откликнулась Алина сквозь шум печатного пресса на фоне. — Сейчас отмоемся, заплету ей косички, и к семи будем у вас с пирогом.

— Алина, послушай меня внимательно, — тихо, но твёрдо сказала я, глядя в окно на подъездную аллею нашего двора. — Не выезжайте к семи. Оставь Веру у себя на вечер и, скорее всего, на сегодняшнюю ночь. Скажи ей, что у нас во всём подъезде отключили воду из-за аварии на трубе, поэтому праздник переносится, а я приеду к вам сама чуть позже, когда разберусь со слесарями.

В трубке мгновенно стих смех. Алина дружила со мной с пятого класса и знала тембр моего голоса лучше любого психотерапевта. Она вышла в коридор мастерской, прикрыла за собой дверь и спросила коротко, без лишних причитаний:

— Что случилось, Поля? Кто-то заболел?

— Все живы и здоровы. Просто праздника сегодня не будет. Я приеду к тебе часам к девяти или десяти вечера с вещами. У тебя свободен диван в верхней комнате над мастерской?

— Диван застелю через десять минут, — без единого лишнего вопроса ответила Алина. — Ключи от нижнего входа знаешь где. Веру накормлю куриным бульоном и посажу смотреть мультфильмы про архитектуру, она даже не заподозрит ничего плохого. Телефон держи включённым. Если через два часа не напишешь, я приеду к твоему подъезду сама.

— Я напишу. Спасибо тебе.

Я положила трубку, подошла к окну гостиной и посмотрела вниз.

Во двор плавно въехал чёрный внедорожник Глеба. Он припарковался на своём привычном месте у газона, вышел из салона в расстёгнутом светлом плаще, открыл заднюю дверцу и бережно достал оттуда огромный букет белых пионовидных роз, перевязанный широкой атласной лентой, и бархатный футляр из ювелирного дома на Петровке. Его лицо в вечернем сентябрьском свете было спокойным, чуть усталым и совершенно безмятежным — лицо человека, у которого в жизни всё расписано по минутам, все сметы сведены, а дома ждёт послушная женщина, готовая ещё десять лет благодарить его за крышу над головой.

Я прошла на кухню, выключила духовой шкаф, сняла прихватку и положила её на край каменной столешницы. Через две минуты внизу хлопнула дверь лифта, на лестничной площадке послышались знакомые твёрдые шаги, в замочной скважине дважды повернулся длинный латунный ключ, и входная дверь нашей квартиры распахнулась.

Глава 2. Ультиматум за праздничным столом

Входная дверь закрылась с мягким щелчком доводчика. В прихожей сразу стало тесно от запаха холодной уличной кожи, влажной цветочной зелени и древесного одеколона Глеба — того самого флакона, который я покупала ему весной в дьюти-фри по дороге из Милана.

Я осталась стоять у кухонного острова, не делая ни шагу навстречу. Раньше я всегда выходила в коридор, помогала ему снять плащ или забирала из рук пакеты, но сейчас мои ладони спокойно лежали на прохладном кварце столешницы.

— Поля? — окликнул он, ставя портфель на банкетку. — Ты где? Там на Кутузовском пробка от самой арки, еле проскочил. Алина с Верой ещё не приехали?

Он вошёл в кухню-гостиную, прижимая к груди огромный сноп белых пионовидных роз в матовой плёнке. На его лице играла та добродушная, слегка снисходительная улыбка хозяина дома, который вовремя вернулся к праздничному ужину и принёс именно то, что полагается приносить в день десятилетия свадьбы. Увидев меня у выключенной духовки в тёмно-зелёном закрытом платье, он на секунду задержал взгляд на моём вороте, чуть приподнял брови, но тут же шагнул ближе и протянул букет.

— С десятилетием, родная. Десять лет — оловянная, кажется, или розовая, я вечно путаю. Главное, что мы с тобой держим марку.

Я не подняла рук.

— Поставь в раковину, Глеб. Вода там открыта.

Улыбка на его губах задержалась по инерции ещё на две секунды, а потом медленно сошла. Он посмотрел на мои опущенные вдоль бедер руки, перевёл взгляд на накрытый в центре гостиной стол — белая льняная скатерть, восемь приборов, хрустальные бокалы, холодные закуски под плёнкой — и положил цветы на край каменного острова, рядом с металлической мойкой.

— Что за тон? — негромко спросил он, расстёгивая пуговицы светлого плаща. — Если ты из-за того, что я днём не перезвонил, то у меня три часа сидели юристы из департамента и люди Северского. Мы согласовывали предквалификацию по Сорокинской мельнице. Там объём бумаг такой, что вздохнуть некогда было. Могла бы и понять, а не встречать меня с каменным лицом.

— Я поняла, — ответила я ровно. — И про предквалификацию, и про объём бумаг.

Глеб достал из кармана плаща тёмно-синий бархатный футляр, положил его на столешницу перед моим лицом и щёлкнул крышкой. На светлом атласе лежали серьги из белого золота с крупными квадратными сапфирами.

— Специально заехал на Петровку, хотя времени не было совсем, — сказал он уже мягче, привычным тоном человека, который закрывает мелкую бытовую претензию щедрым авансом. — Надень сейчас. К семи подъедет Аркадий Ильич с женой, и я позвал Ковалёва из инвесткомитета. Им полезно увидеть нас в нормальной домашней обстановке перед понедельником. Аркадий любит стабильные семьи, для него это показатель надёжности подрядчика.

Я посмотрела на сапфиры. Холодные, тяжёлые камни, которые мне никогда не шли и которые я никогда не просила. За десять лет Глеб так и не запомнил, что от тяжёлых замков у меня через час начинают болеть мочки ушей, зато отлично знал, какая стоимость подарка считывается жёнами его деловых партнёров с расстояния трёх метров.

Я протянула руку и закрыла крышку футляра. Щелчок прозвучал отчётливо в тишине кухни.

— Никаких гостей сегодня не будет, Глеб. Я отменила ужин.

Он замер с полуснятым плащом на одном плече. Складки у его губ мгновенно обозначились резче.

— То есть как — отменила? Ты о чём сейчас говоришь? Ковалёв выехал полчаса назад с Патриарших, Аркадий с женой уже в дороге!

— Аркадию Ильичу и Ковалёву я отправила сообщения со своего телефона десять минут назад, пока ты парковался во дворе, — спокойно произнесла я. — Написала, что у меня внезапно поднялась высокая температура, подозрение на вирус, и мы вынуждены перенести домашний приём, чтобы никого не заразить перед важной рабочей неделей. Аркадий Ильич уже ответил, пожелал здоровья и поблагодарил за предупреждение. Ковалёв прислал вежливый кивок. Никто к нам не едет.

Глеб сорвал плащ со второго плеча и бросил его на спинку кожаного кресла у барной стойки. Его лицо налилось тем тяжёлым, плотным румянцем, который я видела всякий раз, когда на стройке субподрядчик срывал график заливки бетона.

— Ты в своём уме, Полина?! — голос его сорвался на низкий, сдавленный рык. — Какое ты имела право писать Ковалёву через мою голову? Я два месяца выстраивал этот вечер! В понедельник в одиннадцать утра подача окончательного пакета по мельнице, там контракт на четыреста миллионов! Ковалёв должен был сегодня за столом неофициально подтвердить, что наш раздел по историческим корпусам проходит без замечаний! А ты устраиваешь мне самодеятельность с температурой?

— Ваш раздел по историческим корпусам, — уточнила я, глядя ему прямо в глаза. — Тот самый, который я чертила и рассчитывала четыре месяца по четырнадцать часов в сутки. Тот самый, в котором на титульном листе со вчерашнего вечера вместо моей фамилии стоит фамилия ведущего архитектора проекта Кристины Андреевны Беловой.

В гостиной стало так тихо, что было слышно, как за окном по асфальту прошуршали шины соседской машины и где-то этажом выше глухо стукнула водопроводная труба.

Глеб не отшатнулся и не схватился за сердце. Он только чуть прищурился, быстро оценивая масштаб утечки информации — точно так же, как оценивал внезапную проверку технадзора на площадке. Его плечи расправились, подбородок приподнялся.

— Кто тебе слил титульник? — деловито и жёстко спросил он. — Синицын из ПТО? Или ты опять лазила в рабочую базу со своего домашнего доступа?

— Ближе к четырём я была в твоём офисе на Пресне, — сказала я без малейшего нажима. — Твоя приёмная была пуста, дверь в переговорную приоткрыта. Я слышала, как ты объяснял Павлу Павловичу, что моё имя не попадёт в комплект документов, потому что я десять лет работала дома и не стану спорить с решением мужа.

Глеб коротко выдохнул через нос, подошёл к острову, взял со стола графин с водой и налил себе полный стакан. Пальцы его не дрожали, только желваки на скулах двигались под кожей, когда он пил.

— Значит, подслушивала под дверью, — произнёс он, ставя пустой стакан на камень с глухим стуком. — Некрасиво, Поля. Взрослая женщина, а ведёшь себя как стажёрка. Если бы ты вошла и спросила нормально, я бы тебе за две минуты разложил весь расклад. У тебя нет действующего допуска СРО на генпроектирование, ты у меня работала дома без отдельного оформления. Инвестгруппа Северского требует, чтобы в титуле стоял штатный специалист «Ориона» с полной административной ответственностью. Кристина числится в штате руководителем проектной группы. Это чистая бюрократия для тендера! Деньги ведь всё равно идут в одну семью, в один общий котёл. Какая тебе разница, чья подпись стоит на обложке, если я оплачиваю эту квартиру, твои поездки, школу Веры и всё остальное?

— В наш общий котёл? — переспросила я. — Или в котёл трёхкомнатной квартиры на улице Фадеева, дом четырнадцать, корпус два, квартира восемьдесят шесть, куда ты позавчера заказал доставку детской кроватки из бука и пеленального комода на имя Кристины Беловой?

На этот раз пауза затянулась. Глеб медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по моему лицу, затем переместился в сторону прихожей и коридора, ведущего в спальню.

— Иди в спальню, Глеб, — спокойно сказала я. — Твой синий пиджак, который ты утром просил забрать из химчистки к юбилею, висит на камердинере у кровати. Во внутреннем левом кармане лежит всё, что ты забыл оттуда вынуть перед тем, как отдать вещь в чистку.

Он ничего не ответил. Развернулся и быстрым, тяжёлым шагом пошёл по коридору в спальню. Я осталась стоять у окна гостиной. Сентябрьские сумерки уже сгущались, во дворе зажглись первые неяркие фонари, окрашивая листву клёнов в бурый, ржавый цвет. На накрытом столе белели фарфоровые тарелки с тонким золотистым ободком — сервиз, который мы выбирали вместе на третью годовщину, когда компания Глеба только получила первый крупный подряд на реконструкцию складских корпусов, а я по ночам переделывала за его инженерами расчёты нагрузок, пока годовалая Вера спала в соседней комнате.

В спальне звякнула связка ключей. Потом послышался сухой шелест плотной термобумаги.

Глеб вернулся в гостиную через две минуты. В правой руке он сжимал ключи с чёрным кожаным брелоком и сложенный вдвое снимок УЗИ. Лицо его изменилось: исчезла и показная праздничность, и начальственная снисходительность. Передо мной стоял жёсткий, собранный, раздражённый мужчина, которого застали врасплох на неудобном манёвре и который уже принял решение не оправдываться, а давить.

— Где Вера? — первым делом спросил он, бросив ключи и бумаги на край обеденного стола поверх накрахмаленной салфетки.

— Вера у Алины в мастерской. Она останется там ночевать. Ей я сказала, что у нас в доме прорвало трубу и отключили воду. Ребёнок ничего не знает и сегодня ничего знать не должен.

Глеб кивнул, словно ставя галочку в списке рисков.

— Хоть на это у тебя хватило выдержки. Уже хорошо. — Он подошёл к столу, отодвинул стул с высокой спинкой, сел и положил обе руки на скатерть по сторонам от тарелки. — Тогда давай разговаривать как взрослые, разумные люди, без бабьих истерик и битья посуды. Садись.

— Я постою, Глеб. Говорить нам долго не о чем.

— Нет, нам есть о чём говорить, — отрезал он, поднимая на меня тяжёлый взгляд. — Ты залезла в мои карманы, раскопала то, что тебя не должно было касаться, и теперь думаешь, что поймала меня за руку и можешь диктовать условия. Так вот, послушай меня внимательно, Полина. Да, у меня есть женщина. Да, она ждёт ребёнка. Восьмая неделя. Так получилось, я этого не планировал, но раз уж случилось — я не мальчишка, чтобы бегать от ответственности. У меня наконец-то будет сын, наследник, которому я смогу передать бизнес. Ты после сложных родов с Верой сама сказала, что больше рожать не рискнёшь, и я десять лет не попрекал тебя этим ни единым словом.

Я смотрела на него и чувствовала странную, почти хирургическую ясность. Внутри не было ни слёз, ни желания закричать — только глухой, ровный холод, какой бывает в старом неотапливаемом цеху зимой, когда обмеряешь промёрзшую кирпичную кладку. После рождения Веры врачи запретили мне вторую беременность из-за разрыва сосудов и тяжёлой операции, после которой я месяц не могла поднять руки выше плеч, но уже через полтора месяца сидела за чертёжной доской, потому что у фирмы Глеба горели сроки по объекту на Таганке. И теперь это называлось «ты сама сказала, что не рискнёшь».

— Кристина моложе тебя на семь лет, она смотрит на меня без этой твоей вечной критической мины, — продолжал Глеб, и в его голосе зазвучала знакомая, хорошо поставленная интонация переговорщика, который перекладывает вину за срыв контракта на контрагента. — С тобой последние три года невозможно жить в одном доме, Поля. Ты вечно в своих архивах, в кирпичах, в исторических сводах, у тебя на всё своё особое экспертное мнение. Я прихожу домой после двенадцати часов войны на стройках, мне нужна мягкая, спокойная жена, а не главный архитектор с проверкой на каждом шагу. Но при всём при этом я никогда не собирался разрушать нашу семью и выгонять тебя на улицу.

— Какое благородство, — тихо произнесла я.

— Не ёрничай! — он резко ударил ладонью по столу, так что тонко зазвенели хрустальные бокалы. — Я говорю серьёзно! Мужчины моего уровня решают такие вопросы цивилизованно, без публичного позора. Кристина живёт отдельно. На твой статус, на твой уровень жизни, на обучение Веры это никак не влияет. У тебя есть просторная квартира в центре, машина, прислуга по клинингу, любые деньги на карту. Всё, что от тебя требуется сейчас — это убрать свои амбиции, перестать копаться в моих вещах и сохранить нормальное лицо до конца осени.

Я сделала шаг к столу и остановилась у противоположного края, напротив него.

— До конца осени. То есть пока инвестгруппа Северского не подпишет с «Орионом» генеральный контракт по мельнице Сорокиных.

— Именно так, — без тени смущения подтвердил Глеб. — Северский — человек со странностями, он помешан на репутации подрядчиков и чистоте авторских прав. Если сейчас, за два дня до тендера, поползут слухи, что у владельца «Ориона» развод со скандалом, а архитектор исторической части ушла и оспаривает документацию, Ковалёв просто снимет нашу заявку с голосования, чтобы не связываться с токсичным активом. А в этот проект я уже вложил тридцать миллионов оборотных средств! Поэтому условия простые, Полина. Завтра утром мы едем к Алине, забираем Веру и проводим воскресенье как образцовая семья. В понедельник я подаю пакет документов в том виде, в каком он сшит сейчас. А если в среду комиссия Северского вызовет тебя как консультанта на защиту реставрационной концепции — ты приедешь, сядешь рядом с Кристиной, улыбнёшься и подтвердишь, что передала ей все наработки в рамках внутреннего подряда «Ориона».

Он откинулся на спинку стула, сцепил пальцы на животе и посмотрел на меня с полной уверенностью человека, который только что предложил убыточному филиалу выгодную схему реструктуризации.

— А что потом, Глеб? — спросила я, не повышая голоса. — Когда контракт будет подписан, а Кристина уйдёт в декрет с моим проектом в своём портфолио и с твоим сыном на улице Фадеева?

— Потом мы с тобой спокойно обсудим формат дальнейшей жизни, — веско ответил он. — Захочешь остаться в официальном браке ради Веры и статуса — останемся, у половины моих знакомых из министерства и стройкомплекса такие браки держатся десятилетиями, и все довольны. Захочешь разъехаться через год, когда стройка выйдет на второй этап, — я сниму или куплю тебе приличную двухкомнатную квартиру недалеко от школы Веры и назначу содержание. Но только при условии полного молчания. Никаких судов, никаких претензий на доли в бизнесе и никаких разговоров про авторство мельницы.

Я посмотрела на его руки, сцепленные на груди, на золотые часы на левом запястье, на букет белых роз, который так и лежал без воды на кухонном острове, медленно опуская тяжёлые бутоны. Десять лет моей жизни, моя мастерская, которую я закрыла по его настоянию, когда Вера ходила в старшую группу детского сада, чтобы «не распылять силы на мелкие заказы, когда нужно поднимать семейный холдинг», четыре крупных отреставрированных объекта в Москве, которые вытянули «Орион-Девелопмент» из разряда рядовых бетонщиков в список допущенных к памятникам архитектуры подрядчиков, — всё это в его голове помещалось в строчку «назначу содержание, если будешь вести себя тихо».

— Нет, Глеб, — сказала я.

Он нахмурился, словно не расслышал.

— Что — нет?

— Я не приду в среду на комиссию Северского прикрывать подлог с документацией. Я не буду изображать с тобой образцовую семью ни завтра, ни до конца осени. И я не останусь с тобой ни в официальном, ни в фиктивном браке ни на один день. Мы разводимся.

Глеб медленно расцепил пальцы, опёрся локтями о стол и подался вперёд.

— Ты сейчас говоришь на эмоциях, Полина. У тебя шок, уязвлённое самолюбие, я это допускаю. Выпей воды, пойди умойся и включи голову. С кем ты собралась судиться и на что ты собралась жить? Давай посмотрим на факты без розовых очков. Тебе тридцать пять лет. Последние восемь лет у тебя нет ни одной официальной записи в трудовой книжке, кроме разовых договоров консультирования с моей же фирмой на копеечные суммы. Твоя старая мастерская закрыта три года назад. Все чертежи, все обмеры, все трёхмерные модели по мельнице Сорокиных сделаны на серверах «Ориона» и являются собственностью компании. У тебя нет ни офиса, ни штата инженеров, ни личных денег.

— Эта квартира, загородный дом в Звенигороде, две машины и счета, открытые за десять лет нашего брака, являются совместно нажитым имуществом, — спокойно напомнила я.

Глеб коротко, почти весело рассмеялся — тем сухим, снисходительным смехом, каким он обычно отвечал мелким поставщикам, грозившим ему арбитражем за задержку оплаты.

— Совместно нажитым? Поля, ты архитектор, а не юрист, не смеши меня. Загородный дом оформлен на баланс дочернего ООО как представительский объект для приёма партнёров. Машина, на которой ты ездишь, в лизинге на «Орионе», путевой лист закрывается в конце месяца. На моих личных счетах всегда лежит ровно столько, сколько нужно на текущие расходы, всё остальное крутится в кредитных линиях и залогах под стройку. А что касается этой квартиры — да, она куплена в браке, но если ты вздумаешь устроить мне войну и сорвать тендер у Северского, мои корпоративные юристы растянут раздел имущества на три года с назначением трёх строительно-оценочных экспертиз и встречными исками о разделе долговых обязательств компании. Ты три года будешь ходить по судам без копейки в кармане!

Он встал из-за стола, обогнул его и подошёл ко мне почти вплотную. От него пахло дорогим табаком, одеколоном и тем специфическим холодным раздражением человека, привыкшего, что любое сопротивление ломается простым перекрытием финансирования.

— И самое главное, о чём ты сейчас почему-то забыла, — понизив голос, отчётливо проговорил он, глядя мне сверху вниз прямо в переносицу. — Это Вера. У меня официальный доход в десятки миллионов рублей в год, собственная служба безопасности, лучшие адвокаты в городе и идеальные характеристики от попечительских советов двух фондов. А у тебя — ноль официального дохода, отсутствие собственного жилья в Москве и ни одного подтверждённого места работы. Как ты думаешь, с кем суд оставит восьмилетнюю девочку, если отец заявит, что мать впала в нервный срыв, увезла ребёнка неизвестно куда и не может обеспечить ей даже привычный уровень медицины и школы? Ты Веру только по выходным через стекло видеть будешь, Полина. Если вообще будешь.

Он произнёс это с абсолютной убеждённостью человека, для которого закон был всего лишь ещё одной статьёй расходов в смете — вроде согласования с пожарным инспектором. Он искренне верил, что пугает меня реальным порядком вещей, и ждал, что сейчас мои плечи опустятся, голос дрогнет и я начну торговаться о сроках и условиях перемирия.

Я не отвела взгляда и не отступила ни на сантиметр. Сердце билось часто и сильно, отдаваясь где-то в горле, но голова оставалась совершенно холодной. Страх за Веру кольнул под рёбра острой иглой — и тут же превратился в твёрдое, окончательное понимание: с человеком, который за праздничным столом в день десятилетия свадьбы шантажирует мать родным ребёнком ради строительного подряда, нельзя оставаться под одной крышей даже до утра. Любая уступка сегодня станет ошейником на всю оставшуюся жизнь.

— Родительские права и определение места жительства ребёнка не продаются на строительных тендерах, Глеб, — ровно сказала я. — И суд не отбирает восьмилетнюю дочь у матери, которая восемь лет занималась её здоровьем, школой и воспитанием, только потому, что у отца обороты по кредитным линиям выше. Не путай семейный кодекс со своими подрядчиками на стройплощадке.

— Хочешь проверить на собственной шкуре? — жёстко прищурился он. — Пожалуйста. Только проверять ты это будешь с пустым кошельком.

Он достал из кармана брюк свой смартфон, несколькими быстрыми движениями пальцев открыл банковское приложение и повернул экран ко мне.

— Видишь? Дополнительная карта на твоё имя. Лимит операций — ноль рублей. Заблокировано. Наличные в домашнем сейфе я забрал ещё во вторник, когда вносил задаток за участок. Ключи от твоей машины положишь сейчас на консоль в прихожей — с этой минуты доверенность от «Ориона» аннулирована, выедешь со двора — оформлю угон служебного транспорта. Посмотрим, куда ты доедешь сегодня вечером со своей гордостью и на какие деньги будешь нанимать адвокатов.

В моём телефоне, лежавшем на краю книжной полки у стены, коротко звякнуло пуш-уведомление банка: «Операции по карте *4419 приостановлены владельцем счёта».

Я даже не повернула головы в сторону звука. Четыреста тридцать две тысячи рублей на моём личном счёте, о котором он забыл, и ещё пятьдесят тысяч наличными, снятых сегодня с этого же счёта, — в потайном отделении дорожной сумки; все личные документы, диплом и две флешки с полным исходным архивом мельницы Сорокиных уже лежали в шкафу за коробками с зимней обувью. Он перекрыл мне кислород ровно на двадцать четвёртой минуте разговора — я ошиблась в своих дневных расчётах всего на четыре минуты.

— Ключи от служебной машины лежат в прихожей на мраморной полке с пяти часов вечера, — спокойно ответила я. — Мне не нужен транспорт твоей компании. И твоя карта мне тоже больше не нужна.

Я достала из кармана платья тонкий прямоугольник золотистого пластика — ту самую дополнительную семейную карту — и положила её на белую скатерть рядом с его пустым стаканом, прямо поверх сложенного снимка УЗИ.

Глеб посмотрел на пластик, потом снова на меня. В его глазах впервые за весь вечер мелькнуло недовольство человека, у которого сценарий пошёл не по утверждённому графику: я не плакала, не просила разблокировать счёт, не хваталась за телефон, чтобы звонить его матери, и не требовала немедленно выгнать Кристину.

— Ты что, заранее готовилась? — медленно спросил он, и голос его стал ниже и опаснее. — Когда ты успела? Сегодня днём? Что ты взяла из кабинета, Полина?

— Я взяла только то, что принадлежит мне по праву автора и матери, — сказала я, поворачиваясь к двери в коридор. — Свои личные вещи, свои черновые журналы обмеров и документы дочери.

— Стой на месте! — рявкнул он, делая широкий шаг за мной и перехватывая меня за локоть у самого выхода из гостиной.

Пальцы его сжались на рукаве тёмно-зелёного шёлка с такой силой, что ткань врезалась в кожу. За десять лет он ни разу не поднимал на меня руку — ему это было не нужно, пока я слушалась его вежливых, рациональных распоряжений. Сейчас его лицо было в двадцати сантиметрах от моего, тяжёлое, потемневшее, с побелевшими ноздрями.

— Отпусти мою руку, Глеб, — очень тихо и раздельно произнесла я, глядя на его пальцы на своём локте. — Сейчас же убери руку. Если на моей коже останется синяк, я через двадцать минут буду в травмпункте на Сивцевом Вражке, зафиксирую побои и подам заявление в полицию. И в понедельник утром копия талона-уведомления ляжет на стол службы безопасности Дениса Северского вместе с письмом о конфликте интересов.

Он замер. Секунду или две его пальцы ещё сжимали моё предплечье, он тяжело дышал, глядя мне в глаза и проверяя, блефую я или нет. Но в моём лице не было ни страха, ни сомнения — только холодная готовность сделать ровно то, что я сказала.

Глеб резко разжал пальцы и отдёрнул руку, словно обжёгся о раскалённый металл.

— Ты не посмеешь сунуться к Северскому, — глухо выговорил он, отступая на полшага к столу. — Северский тебя даже на порог не пустит без рекомендации крупного застройщика. Кто ты для него? Жена Орлова, которая десять лет чертила дома на кухне! Если ты попытаешься вынести сор из избы и поставить под удар контракт «Ориона», я сделаю так, что ни одно проектное бюро в Москве не возьмёт тебя даже чертёжницей на полставки. Я позвоню всем в союзе архитекторов, всем подрядчикам, с которыми мы работаем. Ты сама разрушаешь свою жизнь, Полина. Сама, своими руками, из-за дурацкой женской ревности!

— Дело не только в том, что ты спишь со своей сотрудницей и покупаешь ей детские кроватки за два дня до нашей годовщины, Глеб, — сказала я, расправляя смятый рукав платья. — Хотя одного этого достаточно, чтобы я больше никогда не села с тобой за один стол. Дело в том, что ты за десять лет решил, будто купил меня целиком — вместе с моей головой, моим дипломом, моим именем и моим правом на собственного ребёнка. Ты решил, что мою работу можно подарить своей беременной любовнице как квартальную премию, а мне бросить сапфировые серьги и приказать улыбаться твоим инвесторам. Вот этого я тебе не прощу. Никогда.

Я развернулась и пошла в прихожую.

Он не пошёл следом, только крикнул мне в спину из гостиной, срываясь на тяжёлый, хозяйский тон:

— Если ты сейчас выйдешь за эту дверь с сумками, обратно ты уже не вернёшься! Замки сменю завтра утром! Приползёшь через неделю, когда деньги кончатся, но условия будут уже совсем другими, запомни это!

Я не ответила. В прихожей я открыла створку хозяйственного шкафа, отодвинула коробки с зимними сапогами и достала заранее собранную дорожную сумку. Надела свой бежевый тренч, застегнула пуговицы, перекинула через плечо ремень сумки с ноутбуком и документами, а в левую руку взяла маленький розовый чемодан Веры на колёсиках, который я успела поставить за дверцей гардеробной, пока ждала Глеба.

Из гостиной донёсся глухой звон — Глеб с размаху смёл со стола на пол один из хрустальных бокалов. Осколки брызнули по паркету. Затем послышался звук отодвигаемого стула и торопливые шаги в сторону моего рабочего кабинета: он побежал проверять, на месте ли стационарный компьютер и папки с распечатками по мельнице.

Времени на то, чтобы ждать лифт, больше не оставалось — через минуту он обнаружит, что я увезла свой внешний диск и полевые журналы с расчётами узлов, оригиналы которых он привык считать имуществом «Ориона».

Я повернула вертушку верхнего замка, распахнула тяжёлую входную дверь, выкатила чемодан на лестничную площадку и захлопнула дверь снаружи, не оставляя свои ключи на тумбочке: пока квартира формально оставалась нашей общей собственностью, дарить ему повод заявить, что я сама добровольно отказалась от пользования жильём, я не собиралась.

Не нажимая кнопку лифта, я подхватила небольшой детский чемодан за боковую ручку и быстро пошла вниз по широкой каменной лестнице с шестого этажа. Каблуки гулко стучали по бетонным ступеням в прохладной тишине подъезда. На третьем этаже в кармане тренча завибрировал телефон — высветилось имя «Глеб». Я нажала клавишу сброса, не сбавляя шага. Через десять секунд телефон зазвонил снова. Я отключила звук и убрала аппарат обратно в карман.

Внизу в вестибюле за стеклянной конторкой дремал пожилой консьерж Семён Петрович. Увидев меня с дорожной сумкой и розовым чемоданом Веры в семь часов вечера, он удивлённо приподнял очки на лоб:

— Полина Сергеевна, вы куда же это на ночь глядя? А Глеб Викторович ведь только что приехал, с цветами поднимался...

— Семён Петрович, добрый вечер. Мы с Верой уезжаем к подруге на несколько дней, — спокойно сказала я, толкая плечом тяжёлую входную дверь подъезда. — Если ко мне будут

приходить курьеры или письма на моё имя — пожалуйста, не передавайте их мужу, оставьте у себя в ящике, я заберу лично.

Я вышла во двор. Сентябрьский воздух после душной квартиры показался обжигающе свежим, пахло мокрым асфальтом, прелой листвой и близкой рекой. У газона под фонарём блестел полированным капотом чёрный внедорожник Глеба. Я подняла голову: на шестом этаже в окнах моего кабинета резко вспыхнул верхний свет, и за тюлем метнулась высокая мужская тень.

Я не стала вызывать такси ко двору — шлагбаум на выезде открывался с диспетчерского пульта охраны, а Глеб мог позвонить на пост за тридцать секунд. Я быстро прошла по боковой дорожке мимо детской площадки, вышла через узкую пешеходную калитку в переулок, свернула за угол соседнего кирпичного дома и только там, у освещённой витрины круглосуточной аптеки, достала телефон.

На экране висело четыре пропущенных вызова от Глеба и одно короткое сообщение, пришедшее минуту назад: «Верни флешку с расчётами по куполу и сводам мельницы до 22:00. Иначе завтра утром я лично заберу Веру от твоей Алины с нарядом полиции».

Пальцы на мгновение похолодели от осеннего ветра, но я сделала глубокий вдох, сделала скриншот сообщения с видимым номером отправителя и временем получения, сохранила его в облачную папку «Документы для суда» и открыла приложение заказа такси. Назначив точку подачи через сто метров у перекрёстка, я набрала номер Алины.

Она ответила после первого же гудка:

— Поля? Ты где?

— Я вышла из дома, Алина. Стою в переулке, через три минуты сяду в машину и приеду к вам. Никому не открывай дверь мастерской, кроме меня, и не бери трубку, если будет звонить Глеб.

— Поняла, — мгновенно и без лишних расспросов отозвалась Алина. — Железные ставни на окнах первого этажа я уже опустила, нижний замок закрыла на засов. Вера поела, сейчас сидит за моим столом, раскрашивает свой картонный мост и ждёт тебя. Приезжай скорее.

Из-за поворота вывернуло жёлтое такси с шашечками на крыше и притормозило у бордюра, мигнув аварийными огнями. Я взялась за ручку чемодана, в последний раз оглянулась на тёмную арку нашего двора, за которой остались десять лет моей прошлой жизни, и шагнула к открывшейся дверце машины.

Глава 3. Чемодан у ночного подъезда

В салоне такси пахло дешёвым лимонным ароматизатором, нагретым кожзамом и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.